Грушевский А. С.

Из истории украинской этнографии.

А. С. Грушевскій.

ИЗЪ ИСТОРІИ

УКРАИНСКОЙ ЭТНОГРАФІИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ ТЕМЫ ВЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

1165062

97095

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1910.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Январь 1910 года.
За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ Князь *Б. Голицынъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, тома XIV (1909 г.), кн. 2.

Изъ исторіи украинской этнографіи.

Этнографическія темы въ украинской литературѣ.

Съ самаго начала своего развитія новая украинская литература живетъ въ тѣсномъ единеніи съ народною стихіею. Видно это и въ «Энеидѣ», съ которой начинаютъ обыкновенно литературу XIX в. Авторъ ея, Котляревскій, интеллигентъ-украинецъ, для задуманнаго литературнаго произведенія прибѣгъ къ живому народному языку, какимъ вотъ уже полвѣка не пользовались для этой цѣли. И у него украинскій языкъ не только рамка произведенія; авторъ принесъ сюда вмѣстѣ съ языкомъ и духъ народной жизни, и это всюду сквозитъ въ «Энеидѣ», обусловливая вмѣстѣ съ тѣмъ ея глубокую популярность въ разныхъ кругахъ украинской публики.

Котляревскій имѣлъ предъ собою опредѣленную, узкую цѣль:—пародія на классическую тему. Живое пониманіе дѣйствительности увлекло его дальше этой ближайшей цѣли и въ результатѣ—всюду проникающій, какъ основное настроеніе, элементъ народности и, кромѣ того, мѣстами, цѣлый рядъ яркихъ, законченныхъ рисунковъ повседневной украинской жизни.

Сложилось это подъ двумя вліяніями, дѣйствовавшими въ тогдашнемъ украинскомъ обществѣ.

Съ одной стороны — глубокая симпатія къ народу, интересъ къ его быту, пока еще безъ соціальнаго оттѣнка. Не чувствовалось непереходимой пропасти между двумя классами общества. Замкнутые въ своей гордости, потомки былой старшины и сохраняли аристократическое по-

ниманіе своего первенства въ минувшемъ, но кругъ этотъ былъ не великъ. А вообще чувство обособленности привилегированнаго класса не вытравило въ интеллигенціи сознанія связей съ народомъ.

Ясно сквозитъ тотъ интересъ и у Котляревскаго. Воспитанникъ духовной школы—по образованію, офицеръ пѣхотный—по службѣ, онъ не измѣнилъ своимъ связямъ съ народною массою. Отсюда народный характеръ юмора «Энеиды». Не обошлось, правда, безъ шероховатостей, за которыя такъ досталось автору отъ младшихъ современниковъ: самыхъ рѣзкимъ былъ среди нихъ Кулишъ. Говорилось даже о неуваженіи къ народу, его быту и взглядамъ. Но эти шероховатости легко объяснить юмористическою складкою писателя и стремленіемъ всюду выдержать комическое освѣщеніе событій. Если явятся сомнѣнія на счетъ общихъ взглядовъ Котляревскаго на народъ, достаточно двухъ, трехъ цитатъ изъ «Энеиды» (туда же и общеизвѣстное мѣсто о карахъ панамъ въ аду). Самая убѣдительная провѣрка: основное настроеніе — «Наталки - Полтавки».

Итакъ глубоко-внимательное отношеніе къ народу и его быту. Съ другой стороны непосредственное увлеченіе народнымъ творчествомъ, пѣсеннымъ богатствомъ. Общеизвѣстная глубокая привязанность украинцевъ къ своему родному краю, ко всему родному создала и укрѣпила это любовное отношеніе къ народной пѣснѣ. Да и было за что. Свѣжестью и задушевностью чувства вмѣстѣ съ художественностью формы народная пѣсня вызывала восхищеніе не только у своихъ, но и у сторонникъ людей, закинутыхъ судьбою на Украину. Изъ произведеній народнаго творчества именно лирическая пѣсня была наиболѣе доступна пониманію и по глубинѣ чувства и по художественности его выраженія.

И это внимательное отношеніе къ народному быту и это сердечное увлеченіе народною поэзіею часто встрѣчались въ томъ кругу украинской интеллигенціи, среди котораго вращался Котляревскій. Реалистъ по своей основной складкѣ, Котляревскій понималъ прекрасно и нѣжное чувство влюбленнаго сердца, какъ мы видимъ это по его «Наталкѣ-Полтавкѣ». Глубже чувствуя, чѣмъ окружающіе, писатель и болѣе ярко выразилъ эти настроенія въ своихъ произведеніяхъ. Отсюда близость его

«Энеиды» и «Наталки-Полтавки» къ народному складу чувствованій, вліяніе излюбленныхъ въ народной поэзіи выраженій и проявленій, разработка деталей въ народномъ духѣ и обиліе этнографическихъ подробностей изъ повседневной народной обстановки.

Это послѣднее подсказано здоровымъ непосредственнымъ чутьемъ. Имѣя классическую канву, Котляревскій такъ разцвѣтилъ ее деталями украинскаго народнаго быта, что пародія стала яркимъ отраженіемъ мѣстной украинской жизни.

Если у Котляревскаго здѣсь непосредственное чутье, то у его послѣдователей украинскихъ писателей въ этой внимательности къ этнографическимъ деталямъ сказались и иныя вліянія.

Именно зарожденіе интереса къ систематическому научному изученію народнаго быта.

И до начала преобладанія въ поэзіи Шевченковскихъ мотивовъ тянется эта полоса разработки этнографическихъ темъ, не только въ качествѣ рамки, но и въ видѣ самостоятельныхъ сюжетовъ.

Это не маловажная разница. Если Викторъ Забѣла въ своихъ лирическихъ жалобахъ прибѣгаетъ постоянно къ образамъ и представленіямъ народнаго творчества—то здѣсь въ основѣ личное чувство-тоска неудавшейся любви; если Шевченко въ своихъ произведеніяхъ—какъ напримѣръ въ стихотвореніи «Тополя»—разработываетъ тему народной поэзіи, то это лишь канва, на которой поэтъ развилъ свой поэтическій анализъ психическихъ переживаній несчастной дѣвушки; если, наконецъ Квитка въ повѣсти «Маруся» выписываетъ рѣчи сватовъ и пѣсни подругъ—то это неизбѣжная этнографическая обстановка описуемыхъ событій. Во всѣхъ этихъ случаяхъ народныя вѣрованія, обычаи и обряды являются не основною темою, а лишь рамкою или деталями.

Совсѣмъ иначе—«Мертвецькій Великдень» Квитки-Основьяненка, «Змій» К. Думитрашка или «Великодня ночь» Н. Костомарова: здѣсь самостоятельная поэтическая разработка стушевывается передъ темою изъ народнаго быта и народныхъ повѣрій: и развитіе такой темы является задачею автора.

Для того, чтобы явились такія темы, нужно углубленіе этнографическихъ интересовъ,—чтобы съ дѣтства безсознательно усвоенный мате-

ріалъ народныхъ обычаевъ и народныхъ повѣрій получилъ дальнѣйшее осмысленіе; чтобы, съ другой стороны, съ усиленіемъ интереса къ этнографическому изученію такія темы уже не казались бы неподходящими для поэтическихъ произведеній.

Такое усиленіе интереса къ этнографическому изученію шло неравномѣрно. Пѣсни вызывали больше вниманія. Чаще надъ ними останавливались. Чаще надъ ними раздумывали критически, больше ихъ записывали.

Отмѣтимъ нѣкоторые моменты въ хронологической послѣдовательности собиранія и изученія этнографическаго матеріала. Это поможетъ намъ выяснить смѣну оттѣнковъ въ дѣлѣ этнографическаго изученія украинскаго народнаго быта.

Литературу украинской этнографіи начинаютъ обыкновенно съ книжечки Калиновскаго «Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ, въ Малой Россіи и въ Слободской Украинской губерніи, такожъ и въ Великороссійскихъ слободахъ, населенныхъ малороссіянами употребляемыхъ» (1776 г.). Это сжатое, но обстоятельное описаніе начиная съ сватовства и кончая свадебными пирами. Детали описаны достаточно полно, напримѣръ, убранство стола или костюмъ жениха и невѣсты. Пѣсенъ авторъ не приводитъ, ограничиваясь общими замѣчаніями—«а дружки поютъ разныя свадебныя пѣсни»; «невѣстина сестра или свойственница при исправленіи сей должности поетъ пристойную пѣсню»; другіе пляшутъ и поютъ пристойныя пѣсни»... Изложеніе ясное и дѣловитое. Вотъ какъ сразу in medias res начинаетъ авторъ «Описаніе свадебныхъ обрядовъ. Сватовство у Малороссіянъ и Украинскихъ слобожанъ, между простымъ народомъ, происходитъ слѣдующимъ образомъ: пришедшій въ возрастъ сынъ объявляетъ отцу своему, подъ веселый часъ, что ему такая то сосѣдняя дѣвушка понравилась и онъ имѣетъ намѣреніе на ней жениться»... Въ такомъ обстоятельно-дѣловитомъ тонѣ выдержано и остальное изложеніе «Описанія». Задача автора проста: онъ заинтересовался сложнымъ церемоніаломъ украинской свадьбы и не счелъ это, какъ другіе сочли бъ, неподходящимъ сюжетомъ для литературнаго упражненія. Не мудрствуя, безъ сопоставленій и историческихъ обслѣдованій беретъ Калиновскій что было подъ рукою. Это

описаніе единичнаго случая, свадьбы въ извѣстной мѣстности. Представленіе о типичности, о неизмѣнномъ общемъ среди измѣняющихся по отдѣльнымъ мѣстностямъ деталей и частностей, это представленіе у Калиновскаго отсутствуетъ.

Въ такомъ же духѣ писали и позднѣе. Какой нибудь мѣстный интеллигентъ, чаще всего помѣщикъ присматривался къ народному обиходу, обычаямъ, повѣрьямъ, обрядамъ. «Любя невинныя занятія нашихъ Украинскихъ поселянъ, я часто слушаю черезъ рѣку ихъ пѣсни, а иногда и раздѣляю ихъ увеселенія «incognito» — могъ бы вполнѣ справедливо повторить о себѣ такой интеллигентъ слова Н. Маркевича. Иногда являлось желаніе увидѣть свое имя на страницахъ печатнаго изданія. Тогда наскоро набрасывалось въ формѣ теперешней корреспонденціи небольшое сообщеніе о мѣстныхъ обычаяхъ. Больше было здѣсь личныхъ впечатлѣній и настроеній, чѣмъ дѣловыхъ разъясненій и сопоставленій. Авторъ ограничивался своимъ лишь уголкомъ не думая о типичности явленія этого для всей Украины. Примѣромъ такихъ сообщеній можетъ служить замѣтка[1]) Пл. Лукашевича «О примѣчательныхъ обычаяхъ и увеселеніяхъ Малороссіянъ на праздникъ Рождества Христова и въ Новый годъ». Авторъ описываетъ здѣсь кулачный бой, колядованье и щедрованье; сверхъ того бѣгло упоминаетъ о обычаѣ осыпать пшеницею и о поздравленіяхъ съ виршами. Относительно виршей авторъ отмѣчаетъ, что вирши говорятъ мальчики, которые обучаются у дьяковъ грамотѣ; въ нихъ стихи вообще очень грубы и говорятся на распѣвъ». Интересно замѣчаніе, что содержаніе сихъ колядъ бываетъ различное и «при томъ каждый повѣтъ не только имѣетъ большую разность въ колядованіи отъ другого повѣта, но даже одно селеніе отъ другого». Дано при этомъ для образчика колядку—«ой рано, рано кури запіли!» Изъ историческихъ справокъ отмѣтимъ мѣсто, посвященное кулачному бою. «Въ старину сія игра была во всеобщемъ употребленіи: тогда не только простой народъ, но и вельможные паны становились въ рядъ съ простолюдинами и бились на

---

1) «Сѣверный Архивъ» 1826 г., ч. 20 (№№ 5—8), стр. 386—393, съ датою Нѣжинъ, 4 апр. 1826. Интересно примѣчаніе «кулачный бой нынѣ вывелся изъ употребленія, а особенно въ городахъ вовсе не существуетъ. Изд.»

ряду съ прочими; ежели какая сторона одерживала верхъ, то побѣжденные должны были платить побѣдителямъ установленную дань, которая состояла въ бочкѣ, а иногда и болѣе, наливки, меду или другого какого-нибудь напитка»...

Эта замѣтка Пл. Лукашевича не была чѣмъ-либо случайнымъ, единичнымъ: были и другія въ томъ же духѣ. Всѣ такія замѣтки, краткія и поверхностныя, прекрасно характеризуютъ начальный исходный моментъ украинской этнографіи.

Потомки былой украинской старшины, богатой и вліятельной, успѣли достаточно далеко отойти отъ народной массы. Глубже и глубже проводили они раздѣльную черту, подчеркивая разность соціальную и культурную. Усвоенные извнѣ взгляды на народную массу принимались и здѣсь достаточно легко, вызывая отчужденіе отъ народа и пренебреженіе къ его быту, какъ чему-то далекому и совершенно неинтересному. Воспитаніе на заграничный манеръ — сначала нѣмецкій, а послѣ французскій — порождало небрежность къ родному языку. Общегосударственный языкъ—русскій и салонный французскій вытѣсняли изъ обихода языкъ украинскій и, самое главное, ширили недовѣріе въ возможность его культурнаго развитія. Нѣкоторыя спеціальныя обстоятельства въ взаимныхъ отношеніяхъ русскаго и украинскаго дворянства заставили украинское шляхетство заняться пересмотромъ—такъ сказать—своихъ правъ на первенство. Въ итогѣ своеобразная шляхецкая идеологія, основанная на воспоминаніяхъ о быломъ значеніи этого шляхетства. Нужды нѣтъ, что эта идеологія опиралась иногда на спорныя данныя: все-таки эта идеологія не мало повліяла на тогдашнее міросозерцаніе украинскаго родовитаго панства.

Иначе складывалось отношеніе къ народу въ средѣ мелкаго дворянства. Небогатые помѣщики, не думавшіе о военной или дипломатической карьерѣ, проводили все время въ своихъ усадьбахъ всецѣло уходя въ хлопоты о хозяйствѣ и отрываясь отъ нихъ только для дворянскихъ собраній. Мелкое чиновничество провинціальныхъ городковъ, успѣвавше состариться безъ переводовъ и передвиженій, по своему служебному положенію сталкивалось съ народною массою. Приходское духовенство, тоже мѣстные жители, недавно еще выбиравшееся приходомъ, постоянно въ

своей дѣятельности сталкивалось съ населеніемъ, принимая близкое участіе въ его жизни. Всѣ эти группы стояли близко къ мѣстному украинскому населенію и сохраняли въ своемъ повседневномъ бытѣ не мало чертъ старины. Въ бесѣдѣ постоянно слышалась украинская рѣчь, на ней же велась домашняя переписка; соблюдались украинскія народныя обрядности и вѣрили народнымъ примѣтамъ; дѣти выростали на рукахъ нянекъ, передававшихъ и родной украинскій языкъ и пестрый запасъ пѣсенъ, повѣрій и обычаевъ. Благодаря постоянному общенію съ народомъ, и позднѣе не терялся этотъ запасъ, но поддерживались постоянно его свѣжесть и ясность.

Здѣсь то въ этой средѣ—внимательное отношеніе къ народу и народной жизни послужило почвою для позднѣйшихъ этнографическихъ интересовъ; близость къ народному быту дала ключъ къ вѣрному пониманію, а съ дѣтства усвоенный запасъ произведеній народнаго творчества былъ тѣмъ первоначальнымъ матеріаломъ, какимъ можно было орудовать на первыхъ же порахъ. И когда къ безсознательной внимательности къ народному творчеству присоединились еще и указанія на важность этнографическихъ изученій, не трудно было мобилизировать этотъ первоначальный запасъ и для литературнаго произведенія и для бытовой картинки.

Шире, чѣмъ эти описанія отдѣльныхъ обрядовъ или празднествъ съ пріуроченными сюда пѣснями и обычаями, задуманы были описанія народнаго быта извѣстнаго уголка Украины. Но не всегда они одинаково удавались. Примѣръ такой невполнѣ удавшейся попытки это[1]) очеркъ Кулжинскаго «Малороссійская деревня». Мысль автора обрисовать бытъ украинскаго крестьянина, его психологическій обликъ, его трудъ лѣтомъ и отдыхъ зимою, народныя празднества, напримѣръ, обжинки, игры молодежи и посидѣлки, наконецъ церемоніалъ украинской свадьбы. Какъ видимъ, задумано все это очень интересно для того времени, только выполнено не всюду одинаково ровно. Главный недостатокъ — это посто-

---

1) Недавно появилась обстоятельная статья о Кулжинскомъ М. Сперанскаго въ Извѣст. Историко-Филологич. Института кн. Безбородка, т. XXIII (1907 г.), стр. 1—82.

янное колебаніе между собственно-этнографическимъ очеркомъ и беллетристическою разработкою. Авторъ боялся быть скучнымъ для своихъ читателей, боялся загромождать свое изложеніе матеріалами этнографическими и потому избѣгалъ длинныхъ выписокъ и деталей. Съ другой стороны онъ старался приноровиться по вкусу публики и что̀ приводилъ интереснаго въ этнографическомъ отношеніи приправлялъ такимъ соусомъ quasi — философскихъ разсужденій о тщетѣ міра и о равнодушіи философа, эротическихъ намековъ и добродушно-небрежныхъ отзывовъ, что книжечка мало удовлетворяетъ своей цѣли, намѣченной такъ интересно и широко. Отдѣльные экскурсы о народной психологіи и народной поэзіи написаны болѣе серьезно и сдержанно, но и они страдаютъ отъ поверхностнаго и неглубокаго отношенія къ своей темѣ.

Между тѣмъ менѣе и яснѣе вырисовывается необходимость параллельнаго изученія матеріала данной мѣстности вмѣстѣ съ аналогичнымъ матеріаломъ другихъ мѣстностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимость историческихъ справокъ для выясненія современныхъ обрядовъ и обычаевъ, унаслѣдованныхъ отъ далекой древности. Представляется болѣе ясно, что работа должна идти разомъ въ этихъ двухъ исправленіяхъ и, только выполнивъ оба эти плана, можно считать работу вполнѣ законченною.

Это воззрѣніе принимается понемногу и въ популярныхъ журнальныхъ статьяхъ, посвященныхъ народному быту. Вотъ, напримѣръ, въ 1824 г. появились[1]) двѣ статьи «Троицынъ день или Русальная недѣля» и «Иванъ Купало». Въ обѣихъ положено въ основу мѣстные украинскіе обычаи, но при этомъ приведены и параллели изъ быта великороссійскаго, а для выясненія генезиса указаны соотвѣтственные факты изъ жизни иныхъ славянскихъ народовъ вмѣстѣ съ историческими справками. Богаче такими параллелями и справками статья объ Иванѣ Купалѣ. Здѣсь прямо начинается съ историческаго обзора, изъ параллелей обстоятельно описаны соботки въ окрестностяхъ Варшавы. Въ качествѣ параллелей приведены въ статьѣ про Русальную недѣлю двѣ великорусскія пѣсни съ комментаріемъ психологическаго характера.

---

1) «Украинскій журналъ» 1824 г., № 11, стр. 248—268 и № 12, стр. 317—325.

Съ 1838 г. начали выходить томики «Описанія Россіи» В. Пассека (послѣдній V-ый 1842 г.). По тому времени это очень интересная работа: для нашей теперешней цѣли интересны статьи по украинской этнографіи. Перу самаго редактора Пассека принадлежатъ здѣсь такія статьи по украинской этнографіи: «Праздникъ Купалы» (I), «Малороссійскія святки» (III), «Русалка» (III), Веснянки» (V), да сверхъ того и небольшія самостоятельныя замѣтки на этнографическія темы. Кромѣ того Пассекъ подобралъ матеріалъ для статьи о свадьбѣ украинской, но сама статья осталась недописанной [1]).

По написаннымъ статьямъ можно судить, какъ широко задумалъ Пассекъ свою работу — дать законченный и полный очеркъ народнаго быта. Указавши, что труды Снегирева и Сахарова «только небольшіе отрывки отъ того, что принадлежитъ народу», Пассекъ заканчиваетъ, что «почиталъ бы грѣхомъ не передать читателямъ всего, что удалось собрать изъ народныхъ обычаевъ, повѣрій, преданій»... [2]).

Такимъ образомъ это не случайный очеркъ какого нибудь единичнаго празднества народнаго, а широко задуманный планъ систематическаго описанія народныхъ обрядовъ, повѣрій и обычаевъ. Яснѣе вырисовывается стройное цѣлое народнаго быта съ внутреннею связью этихъ — казалось единичныхъ — явленій.

Съ другой стороны, подбирая параллели къ своему основному [3]) запасу матеріала, Пассекъ ясно представляетъ себѣ необходимость расчлененія по мѣстностямъ и выдѣленія мѣстныхъ особенностей и оттѣнковъ. Такъ, напримѣръ, въ заключеніи статьи, посвященной Ивану Купалѣ, Пассекъ перечисляетъ [4]) мѣстныя особенности: «въ однихъ мѣстахъ не поютъ нѣкоторыхъ пѣсенъ; въ другихъ не дѣлаютъ Купала, а ходятъ около одной Марены; въ иныхъ мѣстахъ не смѣютъ раскладывать огней, а накладываютъ большой ворохъ крашивы. Навѣрное еще многое от-

---

1) Дописалъ эту статью Ригельманнъ, дополнивши матеріалы Пассека своими изъ Черниговской губ.

2) «Очерки Россіи». I, 86.

3) «Пѣсни собраны мною въ губерніяхъ Харьковской, Воронежской и Полтавской, во всѣхъ губерніяхъ онѣ поются почти безъ измѣненія» (III, 119).

4) I. 116.

кроется при дальнѣйшемъ собраніи пѣсенъ и повѣрій про этотъ праздникъ въ Малороссіи».

Здѣсь у Пассека матеріалъ группируется по отдѣльнымъ темамъ — святки, Веснянки, Купало, Русалки: но этотъ же матеріалъ можно расположить и въ послѣдовательности тѣхъ дней и празднествъ, къ коимъ онъ пріуроченъ: въ такой послѣдовательности матеріалъ статьи о русалкахъ будетъ помѣщенъ между веснянками и Купаломъ, къ этому то моменту и пріурочиваются въ сознаніи народа сказки и повѣрія о русалкахъ.

Примѣръ такого описанія годичнаго цикла народнаго обихода имѣемъ мы въ этюдѣ[1]) К. Сементовскаго «Очеркъ малороссійскихъ повѣрій и обычаевъ, относящихся къ праздникамъ». Изложеніе начинается съ весны и заканчивается тоже весною, приводя около отдѣльныхъ праздниковъ или памятныхъ дней обрядности, обычаи, повѣрья и примѣты. Изъ отдѣльныхъ праздниковъ наиболѣе детально описанъ праздникъ Купала: интересно что на эту же тему написано и небольшое добавленіе А. В. «Нѣсколько словъ объ Иванѣ Купалѣ». Очевидно болѣе другихъ привлекалъ вниманіе этотъ колоритный и эффектный праздникъ. Обстоятельство это не безъинтересно для выясненія побужденій и склонностей тогдашнихъ начинающихъ этнографовъ. Изъ богатаго запаса этнографическихъ матеріаловъ именно это—яркое, богатое поэтическими повѣрьями, оживленное и веселое празднество.

Мы разсмотрѣли въ послѣдовательности времени нѣсколько произведеній молодой украинской этнографіи: тема этихъ произведеній — народный украинскій бытъ въ его обрядахъ, обычаяхъ и повѣрьяхъ. При этомъ разсмотрѣніи выяснилась одна сторона процесса: именно постепенное углубленіе этнографическихъ задачъ. Вмѣсто отрывочныхъ замѣтокъ — широкій планъ систематическаго описанія народныхъ обычаевъ. Шире ставятся географическія рамки этнографическаго обслѣдованія и привлекается для сопоставленія матеріалъ со всей Украины. Внимательнѣе и вдумчивѣе стали относиться къ мѣстнымъ особенностямъ и нюансамъ.

---

1) «Молодикъ» 1843 г. стр. 86—107.

Наконецъ, для выясненія генезиса — историческія справки и поясни-тельныя параллели изъ быта другихъ народовъ.

Теперь намъ нужно выяснить смѣну психологическихъ настроеній въ основѣ этихъ этнографическихъ занятій.

Прежде всего нужно имѣть въ виду, что современный этнографъ можетъ основываться, если захочетъ, исключительно на этнографическихъ сборникахъ. На основаніи этихъ матеріаловъ онъ можетъ, если захочетъ, характеризовать психическій обликъ далекаго народа. И это будетъ исключительно дѣломъ разсудка.

Тогда, наоборотъ, это было преимущественно дѣломъ чувства. Этнографъ былъ собирателемъ этнографическаго матеріала и при отсутствіи удовлетворительныхъ сборниковъ—опирался преимущественно на свои же собственныя записки. А въ тѣ далекія времена собирать самому этнографическій матеріалъ среди народа — значило[1]) брать на себя несовсѣмъ обычную работу. Для этого нужна была особая складка, сантиментальная — въ первые годы усиленія интереса къ народному быту и романтическій — нѣсколько позже.

Это можно провѣрить внимательнымъ изученіемъ настроеній того времени, настроеній научныхъ и литературныхъ. Болѣе просто и легко обратиться, въ избѣжаніе этой серьезной работы, къ самимъ этнографическимъ этюдамъ того времени. Тогда менѣе стѣснялись давать просторъ чувству среди серьезнаго изложенія, и тѣмъ сильнѣе сквозило настроеніе автора въ популярномъ изложеніи.

Если сопоставить нѣсколько наугадъ взятыхъ отрывковъ такого содержанія, то особенности будутъ очень замѣтны[2]). Авторы не только

---

1) Взять хотя бы отношеніе харьковскихъ профессоровъ къ этнографическимъ увлеченіямъ Костомарова.

2) Вотъ нѣсколько отрывковъ для характеристики настроеній тогдашнихъ собирателей этнографическаго матеріала.

«Возьмемъ въ примѣръ малороссійскія пѣсни: въ нихъ помѣщены прекрасныя подобія и картины природы, простое, но пылкое изъясненіе любви — и голоса ихъ всегда соотвѣтствуютъ мыслямъ. Есть ли содержаніе ихъ трогательно, есть ли представляетъ разлуку съ милымъ или съ мать-страною, то съ разительною гармоніею тоновъ изливается вмѣстѣ самая сила чувства и выраженій. Наученная одною природою пѣвица заставляетъ и горевать съ собою природу. Она разсказываетъ свое несчастіе всѣмъ окружающимъ ее предметамъ, про-

описываютъ обрядъ или обычай, не только приводятъ пѣсню или думу, но стараются при этомъ передать свое настроеніе, пережитыя ими впечатлѣнія. Если это празднество Ивана Купала, авторъ вспоминаетъ этотъ ночной ландшафтъ, полный веселаго оживленія, гама и возни, вмѣстѣ съ яркимъ пламенемъ традиціоннаго костра и освѣщенными этимъ пламенемъ вереницами молодежи. Если это пѣсни, автору вспомнится опять таки яркая картинка украинскаго быта: пѣсни молодежи на улицѣ ясною теплою лѣтнею ночью или доносящаяся издалека пѣсня полная щемящей тоски. Отдѣльныя выраженія ясно указываютъ на настроенія автора — «содержаніе трогательно», «самые трогательные тоны къ чувствительному сердцу», «воспоминаніе и теперь еще трогаетъ мою душу.....», это указываетъ на сантиментальную складку въ психическомъ обликѣ пи-

---

ситъ летящихъ птичекъ донесть извѣстія о ней въ милую ея родину, и музыка въ устахъ ея бываетъ живою картиною всѣхъ томныхъ движеній горюющей души» (Я. М. Марковичъ. 1798 г.).

«Пѣсни ихъ (т. е. украинцевъ) всегда почти томны, но скрывающіеся въ нихъ — особливо для стихотворцевъ интересные — замыслы, непринужденное выраженіе мыслей и блистающая всегда какая-то нѣжность и невинность — безподобны! Что можетъ быть разительнѣе, какъ слушать, когда малороссіяне по вечерамъ пріятныхъ лѣтнихъ дней, собравшись во множествѣ и сидя на пригоркѣ въ кружокъ, поютъ свои заунывныя пѣсни? Тогда эхо въ окружности ихъ отдающееся приноситъ съ полей и отъ лѣсовъ къ чувствительному сердцу самые трогательные тоны...» (Ал. Павловскій. 1818 г.).

«Воспоминаніе объ нихъ (т. е. пѣсняхъ) и теперь еще трогаетъ мою душу. Поютъ ихъ только въ извѣстное, опредѣленное время и единственно по зарѣ вечерней. Когда солнце закатится за отдаленный, тихо пламенѣющій горизонтъ и въ селеніи все умолкнетъ: тогда одна изъ молодыхъ поселянокъ выходитъ на улицу и чистымъ, звонкимъ, уныло-протяжнымъ голосомъ начинаетъ пѣть, давая тѣмъ знакъ своимъ подругамъ, чтобы они сходились на игрище. Подобно мнѣ, надобно весною быть въ деревнѣ и слышать таковое пѣніе, чтобы имѣть понятіе о силѣ впечатлѣнія, какое можетъ оно произвести въ сердцѣ и самаго равнодушнаго слушателя». А. С. [Клабовскій]. 1824 г.

«Ахъ, прислушайтесь къ весеннимъ пѣснямъ Малороссійскихъ селянъ! Сама любовь вдохнула имъ сіи прекрасныя пѣсни, сама любовь настраиваетъ ихъ нѣжный голосъ! Имѣйте охоту прислушаться къ Малороссійскимъ пѣснямъ: какая величественная простота въ выраженіяхъ и въ самихъ чувствахъ! Какое близкое и живое изображеніе природы! Кажется, сочинители сихъ пѣсенъ пѣли оныя не устами, а сердцемъ. Всѣ препоны, каковыми иногда упрямый языкъ искушаетъ вдохновенною страстію Поэта, побѣждены непримѣтно и всѣ нѣжнѣйшія черты глубокаго чувства блестятъ въ Малороссійскихъ пѣсняхъ живѣйшими красками». (Кулжинскій. 1827).

сателя и какъ разъ эта сантиментальность была теперь перенесена на народный бытъ. И теперь по этимъ обычнымъ выраженіямъ и оборотамъ мы узнаемъ вліяніе моднаго тогда литературнаго міровоззрѣнія.

Такимъ образомъ по отдѣльнымъ намекамъ легко можно раскрыть руководящія воззрѣнія того или иного изслѣдователя, воззрѣнія опредѣлившія тему его изысканій и основной взглядъ на собираемый матеріалъ. Возьмемъ напримѣръ Пассека въ его общемъ введеніи къ статьѣ о праздникѣ Купалы: «Обычаи народа въ обширномъ смыслѣ есть сокровищница его прошедшаго, его знаній, философіи, медицины, всей его жизни, его особенности и самобытности. Безъ этой особенности народъ былъ безхарактеренъ, несчастенъ, ничтоженъ. Доколѣ живъ и силенъ народъ, до того времени живы и сильны его обычаи... Напрасно думаютъ иные писатели уничтожить обычаи, какъ предразсудки и заблужденія народа, напрасно мечтаютъ сдѣлать всѣхъ людей, каждый по своему, философами: въ народѣ и безъ того есть высшая философія, которой онъ учится, правда, не въ школахъ, есть безсознательныя знанія, которыя часто идутъ впереди наукъ, какъ знаніе магнетизма, преданія о переворотахъ земли и др... Худо человѣку безъ собственнаго характера, горе народу безъ національности.... (Наша Россія) составляетъ живую великую часть человѣчества и своею могучею жизнію ручается за силу и самобытность народнаго характера и за богатство обычаевъ. Это глубокій источникъ, въ которомъ въ одно время отражается небо и видно дно души и жизни русскаго человѣка. Но кто вглядѣлся въ эту душу и кто съ жаждою любви испилъ изъ этого источника?» [1]).

Сантиментальная внимательность, умилявшаяся надъ трогательными темами народной поэзіи осложняется здѣсь новыми чувствованіями. Первымъ шагомъ было признать достойнымъ вниманія и интереса народную поэзію. Мы указывали уже въ иномъ мѣстѣ, какъ постепенно оформлялось это — еретическое вначалѣ — представленіе [2]). Но разъ сдѣланъ этотъ первый шагъ, это новое завоеваніе, вполнѣ естественно было усилить,

---

1) Очерки Россіи. I. 84—86.

2) Въ статьѣ «Изъ исторіи украинской этнографіи. Изученіе историческихъ пѣсенъ».

подчеркнуть это воззрѣніе. И вотъ мы встрѣчаемся съ усиленною формою того же заявленія. Народное вовсе не ниже нашего интеллигентскаго вниманія, это вовсе не примитивное, совсѣмъ нѣтъ[1]). У народа своя культура, выработанная тяжелою работою ряда поколѣній. Такимъ образомъ какъ и культурный запасъ интеллигенціи, такъ и современный духовный міръ народа плодъ долгаго процесса. Сантиментализмъ могъ глубоко растрогаться народною поэзіею, могъ умиляться «чувствительными движеніями души», развившей глубокую чуткость среди общей грубости, но не могъ уравнять съ образованностью интеллигенціи стихійную глубину народной психологіи. Для этого больше нужно было непосредственнаго общенія съ народомъ въ обычныхъ условіяхъ существованія.

Этнографическій матеріалъ не является только собраніемъ записанныхъ пѣсенъ, повѣрій, обрядовъ. Изслѣдователь вмѣстѣ съ тѣмъ и собиратель, и съ этнографическими записями связываются у него воспоминанія, гдѣ и когда видѣлъ и слышалъ онъ это. Собранный этнографическій матеріалъ неразрывно связанъ со всѣмъ обиходомъ украинской жизни, съ яркими представленіями объ украинской природѣ, ея чарующей красотѣ ландшафта.

Вспомнимъ, напримѣръ, характеристику украинской природы у Н. Маркевича въ предисловіи[2]) къ его «Украинскимъ Мелодіямъ»; эта харак-

---

1) Сопоставить съ этимъ текстомъ Пассека замѣчанія Срезневскаго: «люди очень ошибаются говоря, напримѣръ, этотъ народъ имѣетъ отвращеніе отъ просвѣщенія, потому что у него не являются ученыя книги и мало школъ и грамотности мало, вотъ народъ безъ литературы, безъ понятій объ изящномъ. Благодаря развитію понятій, въ наше время такія понятія становятся рѣже: не въ догматахъ и обрядахъ религіи, но въ духѣ и направленіи всѣхъ вѣрованій народа должно искать его вѣру, самый ученый медикъ или естествословъ можетъ и долженъ учиться у народа естественной исторіи и медицины и философъ-философіи и даже философъ-историкъ философіи исторіи...» Объ этихъ взглядахъ Срезневскаго см. въ статьѣ моей «Изъ харьковскихъ лѣтъ Н. И. Костомарова».

2) Интересно, кого перечисляетъ Маркевичъ, говоря о характерѣ своей работы. «Утопленникъ» Ал. Пушкина, «Дзяды» Мицкевича, Erlkönig и Fischer Гёте, «Свѣтлана» Жуковскаго, Иллирическія пѣсни Ипполита Маглановича — мнѣ подали мысль описать преданія, обычаи, обряды, историческія произшествія, повѣрья и красоты видовъ Малороссіи въ мелкихъ отрывочныхъ пьесахъ, приноравливая каждую изъ нихъ къ напѣву Малороссійскихъ пѣсенъ».

теристика повторена у него и въ первомъ томѣ «Исторіи Малороссіи», конечно, съ нѣкоторыми смягченіями восторговъ, смягченіями соотвѣтственно болѣе серьезному характеру работы, но смыслъ тотъ же самый въ обоихъ случаяхъ. Въ введеніи къ «Украинскимъ Мелодіямъ» Маркевичъ перечисляетъ даже наиболѣе красивыя мѣстности, съ примѣчаніями вродѣ слѣдующаго:

«Все это исполнено прелестью видовъ деревенскихъ, достойныхъ взгляда путешественниковъ, которые любятъ природу во всемъ ея блескѣ... Неизвѣстная Украйна прекрасна, не смотря на то, что нѣтъ ея описаній...» То же самое настроеніе мы найдемъ нѣсколько позднѣе у болѣе серьезнаго въ своихъ научныхъ начинаніяхъ Вадима Пассека. Вотъ что говоритъ онъ въ статьѣ своей «Веснянки».

«Много разъ встрѣчалъ я весну, и видѣлъ ее въ Сибири, гдѣ она спѣшитъ къ жизни и съ страшною силою ломаетъ громады льдовъ... я видѣлъ ее измѣнчивую и холодную въ срединѣ Россіи; видѣлъ медленную и богатую на югѣ — и нигдѣ не видѣлъ весны пышнѣе украинской, нигдѣ не поютъ лучше соловьи, нигдѣ люди не встрѣчаютъ ее веселѣе... Уже изъ подъ снѣга *пролески* поднимаютъ свои красивыя головки и распускаются голубыми цвѣтами: изъ нихъ дѣвушки вьютъ первые весенніе вѣнки или вплетаютъ ихъ въ косы... Вмѣстѣ съ первыми листьями развѣтаютъ вишни, груши, яблони и убираются такимъ множествомъ цвѣтовъ, что сквозь бѣлыя и розовыя гроздья ихъ едва видны листья деревъ; не много позже распускается черемуха... въ этой благоуханной тѣни укрываются пѣвчія птицы и день и ночь неумолкаемо поютъ соловьи... Сладко заснуть въ такія пышныя украинскія ночи..., а почти нѣтъ сна: такъ хочется жить и насладиться жизнію...»

И это не единичные примѣры. Глубоко развитое чувство природы отличаетъ украинцевъ и это чувство природы, яркая и глубокая восторженность пробивается повсюду, въ литературѣ, поэзіи и научныхъ статьяхъ того времени. Я возьму еще одинъ примѣръ изъ произведеній писателя отличнаго по своему психическому облику и отъ украинца Маркевича и отъ заѣзжаго гостя Пассека. Это Бодянскій и отрывокъ этотъ можетъ служить прекраснымъ образцомъ, какъ воедино сплетались въ яркій чарующій образъ впечатлѣнія роскошной природы, воспоминанія минувшаго

и восхищеніе народною поэзіею: «будетъ стройно, гладко, естественно, изящно, какъ изящна природа Украйны... гдѣ нѣтъ шагу безъ памятника, времени безъ событія, мѣста безъ картины, живого существа безъ рѣзко проведенной черты на его обликѣ, характеристическаго отличія въ своихъ помыслахъ, желаніяхъ и поступкахъ; гдѣ вы утонете въ мірѣ музыкальныхъ звуковъ, національныхъ напѣвовъ, національной поэзіи на языкѣ благозвучномъ, мелодичномъ, которая очаруетъ, заколдуетъ васъ, наполнитъ сладкимъ забвеніемъ ваше сердце». Стиль не совсѣмъ гладокъ, но внимательный читатель легко угадаетъ охватывавшія автора чувства.

Чувствовался еще гнетъ классическихъ традицій, признававшихъ заслуживающимъ вниманія исключительно образцовыя произведенія древняго міра. Нужно было примѣрять къ этому масштабу, чтобы избѣжать упрека въ необдуманномъ новаторствѣ. Но глубокая поэзія народнаго творчества чувствовалась ясно и помимо этихъ провѣрокъ. Поэтому не разъ мы наткнемся на забавное смѣшеніе понятій. Авторъ самъ непосредственно чувствуетъ обаяніе народной поэзіи, но ему хочется еще увѣрить и иныхъ, не свободныхъ еще отъ вліянія классическихъ традицій. И вотъ авторъ постоянно оговаривается, что и у Гомера есть подобныя выраженія, что и Гомеръ не избѣгалъ такихъ картинъ, что поэтическія созданія украинскаго народнаго суевѣрія не уступаютъ подобнымъ же образамъ греческой и римской миѳологіи. Уже Цертелевъ, разбирая украинскія думы, не разъ вспоминаетъ классиковъ, ихъ поэтическіе образы и художественныя картины [1]). Десятилѣтіе спустя прибѣгаетъ къ этому маневру и Маркевичъ въ своей характеристикѣ украинскихъ народныхъ повѣрій. Особенную симпатію высказываетъ Маркевичъ къ украинскимъ русалкамъ и его возмущаетъ небрежность другихъ къ этимъ поэтическимъ созданіямъ украинской народной фантазіи. Почему, задаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ вопросъ, наши писатели и поэты не интересуются родными русалками? и отвѣчаетъ — только потому, что у нихъ славянскія окончанія именъ. «Какъ не найти красотъ въ обычаяхъ малороссійскихъ тому, кто отъ сердца цѣнитъ Гомера и всю величественную простоту его... Если столько мы находимъ поэзіи въ Гомеровской простотѣ малороссійскихъ обычаевъ, ее не

1) Детали въ моей статьѣ «Изученіе историческихъ пѣсенъ».

менѣе въ странности повѣрій народныхъ...» [1]). Въ этихъ постоянныхъ напоминаніяхъ о Гомеровской поэзіи и Гомеровскихъ образахъ своего рода прозелитизмъ: сдѣлать и другимъ понятнымъ и яснымъ то художественное обаяніе, какое самъ авторъ испытывалъ благодаря непосредственному чутью изящнаго, съ дѣтства воспитанному на знакомствѣ съ украинскою народною поэзіею.

Сдѣланныя нами справки и сопоставленія показали съ достаточною ясностью, какъ относились тогда къ народному быту и съ какимъ чувствомъ приступали къ этнографическимъ работамъ. Это поможетъ намъ выяснить побужденія писателей, бравшихъ для литературной разработки темы изъ народнаго быта, обрядности, обычаи, примѣты, повѣрья. Это объяснитъ намъ и подборъ взятыхъ темъ.

Мы начнемъ теперь съ писателей уже упомянутыхъ въ предшествующемъ обзорѣ. Вотъ, напримѣръ, Маркевичъ. Выше были приведены отрывки изъ его предисловія къ сборничку «Украинскія Мелодіи». Въ этой книжечкѣ собраны Маркевичемъ стихотворенія на этнографическія и историческія темы. Остановимся пока на подборѣ этнографическихъ темъ.

Народные обычаи вмѣстѣ съ связанными съ ними повѣрьями описаны въ стихотвореніяхъ «Поминальный день», «Иванъ Купала», «Вѣнки» (здѣсь этнографическое содержаніе осложняется сторонним мотивомъ — патріотическимъ), «Колода». О русалкахъ говорится въ стихотвореніи «Русалки», здѣсь изложены повѣрія о Троицыномъ днѣ. Колдовству и колдуньямъ посвящены стихотворенія «Вѣдьма», «Чаровница». Повѣрье о прилетающемъ къ дѣвушкѣ таинственномъ змѣѣ изложено въ стихотвореніи «Змѣй». Случайныя представленія о чудовищныхъ призракахъ — «Чума въ Кіевѣ», страшный призракъ—предзнаменованіе болѣзни; суевѣріе, связывающее падающую звѣзду съ вступленіемъ дѣвушки въ бракъ — «Перелетная звѣзда»; рядъ предзнаменованій будущаго и примѣтъ—«Примѣты по коню», «Примѣты смерти», угадываніе по кукованію — въ стихотвореніи «Кукушка». Наконецъ, представленія о домовомъ — «Добрый домовой», «Домовой»; къ этимъ представленіямъ о домовомъ нѣсколько пояснительныхъ строкъ о народной вѣрѣ въ домового; та же суевѣрная основа въ стихо-

1) «Украинскія мелодіи», пред. стр. IX, XII, XIII.

твореніи «Бандуристъ» съ привнесеніемъ сюда чуть намѣченной характеристики бандуриста. Отдѣльная группа суевѣрій о мертвецахъ, поднимающихся изъ могилъ и являющихся живымъ, обработана въ стихотвореніяхъ «Сонъ-трава», «Удавленникъ», «Солнце утопленниковъ», «Вороные кони».

Такимъ образомъ Маркевичъ далъ въ своихъ «Мелодіяхъ» цѣлый рядъ этнографическихъ темъ, при томъ самаго разнообразнаго содержанія. О художественныхъ достоинствахъ стихотвореній много говорить не приходится, но все-таки не лишне привести нѣсколько отрывковъ для характеристики манеры разработки, такъ какъ здѣсь много общаго и съ другими авторами того времени.

Вотъ, напримѣръ, бытовая картинка въ стихотвореніи «Вѣнки».

Дѣвы спѣшатъ прочь изъ села;
въ полѣ давно рожь зацвѣла,
во ржи васильки голубыми цвѣтами,
красавицы заняты съ утра вѣнками,
колосъ зеленой къ вѣнку пришлетутъ,
черныя кудри вѣнкомъ перевьютъ.
Въ степь козаки шумной толпой
вышли изъ хатъ, каждой съ косой;
ихъ грабли колеблются, подняты вилы,
и косы сверкая стучатъ объ точилы,
сталь ослѣпляетъ какъ солнца лучи,
весело, съ смѣхомъ идутъ поючи [1]).

Въ стихотвореніи, посвященномъ празднеству Ивана Купала, характеристика повѣрій сплетается съ описаніемъ обрядностей:

День Ивановъ!
Папоротникъ передъ свѣтомъ
огненнымъ пылаетъ цвѣтомъ:
кто въ лѣсу его найдетъ?
кто не дрогнувшей рукою,

1) «Украинскія мелодіи», стр. 77 («Вѣнки»).

передъ раннею зарею
со стебля его сорветъ?
День Ивановъ!
Наши пляски будутъ живы:
принесемъ стога крашивы;
на вершинѣ той горы
мы зажжемъ огни кострами,
станемъ прыгать мы толпами
чрезъ крапиву и костры [1]).

Повѣріе о чудесномъ дѣйствіи Сонъ-травы, дающей возможность во снѣ увидать будущее, если положить ее подъ подушку:

Вечеромъ сбирайтесь дѣвы
слушать пѣснь мою:
подъ родимые напѣвы
что-то вамъ спою:
въ рощѣ темной и дубовой,
каждый годъ, съ весною новой,
сонъ-трава цвѣтетъ
краской темно-голубою;
все узнаетъ кто съ зарею
первый цвѣтъ сорветъ
Выйдутъ юноши толпами
ни заря ни свѣтъ;
соберутся подъ дубами
и срываютъ цвѣтъ;
въ ключевую ставятъ воду
и какъ ночь пройдетъ по своду,
какъ взойдетъ луна,
подъ подушку набросаютъ
и со страхомъ засыпаютъ
дожидаясь сна... [2]).

---

1) «У. М.», стр. 89, «Иванъ Купала».
2) «У. М.», стр. 3, «Сонъ трава».

въ концѣ бѣглое упоминаніе о мрачномъ эпизодѣ минувшей жизни — Гетьманщинѣ.

А вотъ ясный поэтическій образъ:

Манятъ проходящихъ, въ травѣ укрываясь,
въ листахъ, по вѣтвямъ хохотливо качаясь,
на Тройцынъ Русалки сбираются день.
Онѣ покидаютъ дубовую тѣнь
купаются, плещутъ, изъ рѣкъ выплываютъ,
по тонкимъ колосьямъ плясать начинаютъ,
и выпрямясь колосъ стоитъ молодой:
не гнется подъ легкой Русалокъ ногой [1]).

По аналогіи вспомнимъ мы здѣсь и другого этнографа, тоже писавшаго стихотворенія на этнографическія темы, хотя и менѣе усердно по сравненію съ Маркевичемъ. Костомаровъ, какъ и Маркевичъ, занимался исторіею и этнографіею, конечно, болѣе счастливо и успѣшно, чѣмъ авторъ «Исторіи Малороссіи». Какъ историческія увлеченія Костомарова отразились на его драмахъ и историческихъ стихотвореніяхъ [2]), такъ точно и этнографическія занятія не остались безъ вліянія. Среди стихотвореній Костомарова есть нѣсколько такихъ, гдѣ въ основу положена тема этнографическая. Суевѣрное представленіе, связанное съ явленіемъ мимолетно вспыхивающей падающей звѣзды, дало [3]) стихотвореніе «Зорочка»; повѣріе о таинственно вспыхивающей свѣчѣ въ пасхальную ночь дало стихотвореніе «Великодня Ночь»; убѣжденіе о возможности властныхъ любовныхъ чаръ передано въ стихотвореніи «Чорный котъ». Тотъ же источникъ — народное повѣрье и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ.

Для примѣра мы приведемъ пару отрывковъ этнографическаго содержанія. Первый изъ стихотворенія «Мана» — гдѣ рисуется картина чарую-

---

1) «У. М.», стр. 74, «Русалки».

2) Объ историческихъ темахъ стихотвореній и драмъ Костомарова см. въ моей статьѣ «Изъ Харьковскихъ лѣтъ Н. И. Костомарова», стр. 29—43 (отд. оттиски).

3) Орѳографія названій, какъ и ниже въ отрывкахъ, воспроизведена согласно съ оригиналомъ.

щихъ хороводовъ призрачныхъ видѣній-русалокъ надъ зачарованнымъ озеромъ.

На луну играться прійдуть
красніи дѣвки,
голубѣти муть въ волосьсяхъ
зъ пролѣскйвъ вѣнки.
Ихъ одежа вся укупѣ
свѣтова краса
ихъ урода — шо й казати?
Божй небеса.
Заспѣвають, затанцюють
поведуть танокъ;
имъ музикою повѣе
зъ рѣчки холодокъ... [1]).

Другой отрывокъ передаетъ извѣстную народную легенду о фигурѣ на лунѣ

Зъ тій пори, якъ першій злодѣй,
Каинъ Авеля забивъ
и упершу землю кровью
чѣловѣчою змочивъ,
тйлькй вѣтеръ шкоду слухавъ,
шо гудѣвъ по деревахъ,
тйлькй мѣсяць шкоду бачивъ,
шо котивсь у небесахъ.
Богъ принявъ святую душу,
розбишачйнъ проклявъ рйдъ
и велѣвъ, шобъ мѣсяць ясный
взявъ на себе шкоды слѣдъ...

Темъ этнографическихъ у Костомарова гораздо меньше, чѣмъ у Маркевича: выборъ у́же, интересны нѣкоторыя совпаденія, указывающія на

1) Орфографія подлинника; въ изданіи 1875 г. (Одесса) правописаніе измѣнено.

сходные интересы по отношенію къ народному быту. Если два автора останавливаются на одномъ и томъ же сюжетѣ, то кромѣ простого заимствованія однимъ у другого здѣсь еще можетъ быть и совпаденіе интересовъ: доказательствомъ служатъ общія черты увлеченія народнымъ бытомъ, прослѣженныя нами выше, и это сопоставленіе указываетъ на общія причины интереса къ этнографіи, а не на случайное заимствованіе единичной темы. Литературныя вѣянія, углубившія интересъ къ этнографіи, а кое-гдѣ его впервые вызвавшія, эти вѣянія намѣчали и сосредоточеніе вниманія на отдѣльныхъ опредѣленныхъ темахъ. Вотъ почему два совершенно самостоятельныхъ писателя, дѣйствуя подъ вліяніемъ сходныхъ склонностей, сходились на томъ же самомъ преданіи или повѣріи народномъ.

На ряду съ этими примѣрами литературной обработки отдѣльныхъ повѣрій или преданій интересенъ случай разработки лирической пѣсни съ драматизмомъ дѣйствія въ рядъ драматическихъ эпизодовъ. Это — «Чары» Тополи. Въ основѣ — пѣсня «Ой, неходи, Грицю, та на вечерниці». Раскладка сжатаго драматизма дѣйствія въ пѣснѣ здѣсь въ рядѣ картинъ сдѣлана достаточно примитивно, безъ психологической мотивировки. Какъ пѣсня легла въ основу сценъ, такъ все дѣйствіе вертится около этой основной темы и даже въ самомъ концѣ эпилогомъ всего происшествія служитъ окончаніе пѣсни — ея послѣднія строфы, повторенныя таинственно и загадочно, словно эхо, на кладбищѣ, на свѣжей могилѣ Гриця.

На нашъ теперешній взглядъ — К. Тополя, пожалуй, злоупотребляетъ нѣсколько пѣснями: кто бы ни былъ на сценѣ, самымъ надежнымъ средствомъ обрисовки ситуаціи и чувствъ — являются пѣсни, какъ монологъ или діалогъ. Дѣвушки между собою, Галя и Любка, или съ парубками, парубки Гриць и Василь между собою, и старшіе, не исключая и войта, всѣ чрезвычайно охотно прибѣгаютъ къ народной пѣснѣ, отрывкамъ изъ нея, для выраженія своихъ настроеній, желаній, сомнѣній. Мы теперь требуемъ бо̀льшей простоты въ репликахъ.

Кромѣ этой разработки народной пѣсни, интересны еще и поясненія автора, ремарки къ тексту сценъ. Уже въ предисловіи даны общія указанія на счетъ украинцевъ. Послѣ бѣглыхъ общихъ поясненій, авторъ оста-

навливается на развлеченіяхъ молодежи: «есть въ Украйнѣ деревни, что несмотря на утѣсненіе нѣкоторыхъ польскихъ и другихъ помѣщиковъ, молодежь непремѣнно въ свободный воскресный день соберется подъ музыку плясать въ урочномъ мѣстѣ. Симъ мѣстомъ по большой части бываетъ жидовская корчма. Кромѣ жъ того вечерами гуляютъ на какой-либо деревенской площадкѣ, которая называется улицею» (пред. с. II).

Отдѣльныя сцены снабжены указаніями подобнаго же содержанія. «Въ воскресный день вся молодежь деревенская гуляетъ въ жидовской корчмѣ»; потомъ добавляется новая черточка—музыка играетъ, мужчины поютъ, а дѣвушки танцуютъ подъ пѣсню (сц. I). «Почти въ сумерки сидѣлъ народъ деревенскій подлѣ корчмы жидовской на колодѣ и разговаривалъ между собою про разное», потомъ пришли къ мужьямъ жены и начались пѣсни (сц. II). «Въ праздничный день, въ субботу послѣ обѣда гуляли на улицѣ крестьяне. Мущины и женщины сидѣли и разговаривали между собою. А молодежь, собираясь идти въ корчму на музыки (т. е. подъ музыку танцовать), ожидала только, чтобы похлопоталъ кто-либо объ музыкѣ и повелъ бы всю молодежь» (сц. IV). «Было уже близко полуночи — молодежь гуляла на улицѣ» (стр. 100).

Какъ требуетъ пѣсня, дѣйствіе завязуется на вечерницахъ, и онѣ-то описаны въ сценахъ К. Тополи. Вообще вечерницы привлекали большое вниманіе наблюдателей украинской жизни, понимавшихъ, впрочемъ, иногда превратно эти развлеченія молодежи. Если у К. Тополи вечерницы лишь одинъ эпизодъ, то есть произведеніе, спеціально разрабатывающее вечерницы. Это сатирическая поэма Кореницького «Вечерниці». Авторъ намѣтилъ себѣ здѣсь чисто этнографическую тему, но разработалъ ее, къ сожалѣнію, въ духѣ тогдашняго комическаго жанра. Поэтому нѣкоторыя мѣста производятъ впечатлѣніе дѣланнаго шаржа. Разсказъ ведется отъ имени очевидца и участника, бурсака, но авторъ много мѣста отводитъ характеристикѣ поведенія этого бурсака на вечерницахъ, и это вредитъ цѣльности впечатлѣнія. Возьмемъ, для примѣра, описаніе сборовъ на вечерницы.

такъ коли яка захоче [1])
нічью трохи погулять,

1) Придерживаясь правописанія оригинала, я лишь замѣняю графическое *j* буквою *і*.

то скоренько зъ полу зскоче,
батько й мати якъ хроплять,
и вхопивши на опічку
веретено, днище, мичку,
що вже звісно там кладуть,
гребінь, щітку и гребінку
та й мучиці у торбинку
мимоходомъ ухопнуть,
що бъ то хлопцямъ угодити:
изробить имъ пампушокъ,
та й пшенишнихъ галушокъ
зъ добримъ саломъ наварити;
або деколи друга
вхопе маслечка горшечокъ,
півдесяточка яечокъ,
або й більше, та й шмага
крадькома — поки изъ двору,
а далі мовъ тхіръ у нору
доганяти тіхъ дівчатъ...

Или вотъ еще описаніе хаты, гдѣ происходили вечерницы:

шо въ Горшини молодиці,
(де справляли вечерниці)
хата гарная була;
изъ надвору чепурненька,
у серединці світленька,
та й просторна, не мала;
и красиво такъ убрана
и по стінахъ и куткахъ
мовъ неначе бъ то у пана
вся въ шпалерахъ та въ квіткахъ.
Лавки змиті чепурненько,
стіни змазані гарненько,
мовъ то вапного въ панівъ,

предъ біжницей щось чимало
(де й пьятокъ богівъ стояло)
теліпалось голубівъ;
на полиці жъ все стояли
водолазькі, бачъ, горшки,
а на миснику лежали
ополоникъ та ложки...

Кромѣ произведеній, кладущихъ въ основу этнографическую тему, какъ это дѣлаетъ Маркевичъ, Тополя или Кореницькій, есть достаточно произведеній, гдѣ этнографическія детали и аксессуары входятъ лишь какъ отдѣльные эпизоды. Чтобы покончить здѣсь съ поэзіею, остановимся еще на двухъ поэтическихъ произведеніяхъ. Первое — это «Вовкулака» С. Александрова. Здѣсь воспроизведено народное суевѣрное представленіе о человѣкѣ, превращенномъ въ волка разозленною и мстящею вѣдьмою. Все несчастіе произошло отъ того, что вѣдьму не пригласили на свадьбу, и первая часть стихотворной повѣсти занята описаніемъ этой свадьбы. Авторъ детально описываетъ свадебный церемоніалъ, этнографически точно воспроизводя отдѣльные моменты празднествъ. И герой рекомендуетъ самъ себя какъ постояннаго руководителя свадебныхъ празднествъ и большого знатока свадебныхъ обычаевъ.

Було весільля у сусіда,
а він мене дружкомъ прохав,
бо уважав неначе діда,
хоч я іще й усів не мав...
Та вмів я гарно танцювати,
сивуху здорово любив,
з дружками мастер жартувати,
а свашці ще й не те робив;
під час світілку поцілую,
а старостам всім поклонюсь,
якъ кто налає, мов не чую,
про себе тилько сам сміюсь.

А вотъ обращеніе сватовъ къ отцу невѣсты и дальнѣйшіе переговоры въ традиціонныхъ выраженіяхъ:

У вас лисиця є, нам снилось,
котру Титяною зовуть;
а в нас охотникъ, то б годилось
зараз ії піймати тут.
Нехай вамъ Господь помагає
на сее діло в добрий час:
лисиця наша не втікає,
вона плохесенька у нас.
Спасибі вам за добре слово,
за ласку вашу, за привіт:
коли що все у вас готово,
то ви сідати нас просить.
А ти, Тетяно черноброва,
не дуже припічокъ копай:
весела будь собі й здорова
та рушники нам подавай...

А это отрывокъ изъ описанія свадебнаго ритуала:

«Пора б уже іх в хату звати»
сказав я старостам своім:
«та молодих за стіл сажати,
не доки тут стояти ім».
Вони мене благословили,
зовів за стіл я молодих;
світілку й свашку посадили
на покуті около них.
А старша дружка край Титяни
сіділа з другого кінця;
за нею ще дівчата гарні
вмостилися против гильця.
Буяри рядомъ посідали
на другій стороні стола;

на старшу дружку все кивали,
співать щоб зараз почали.
Я музикантів для простору
на піл під жертку помістив
вони заграли пісню скору,
ту, що я лучше всіх умів.

Если отбросить все касающееся собственно героя, то получается сжатое, но полное, старательно выписанное изображеніе свадьбы, могущее дать нѣсколько новыхъ черточекъ въ дополненіе къ существующимъ описаніямъ свадьбы въ разныхъ мѣстностяхъ.

При тогдашнемъ увлеченіи этнографическими деталями, въ повѣстяхъ и разсказахъ постоянно встрѣчаются этнографическія подробности въ описаніи сватовства и свадьбы; то какъ бѣглое лишь упоминаніе, то какъ полная и законченная картинка быта. Примѣромъ бѣглаго намека можно привести эти строчки изъ поэмы Макаровскаго «Наталя».

піп, узявши добру плату, поспішав, не мьявся,
одслужив усе що треба і вінчать зібрався.
Свашка рушничок послала; свічки посвітились,
молоді порядком стали і перехрестились;
став боярин, старша дружка і світілка стала,
шаблю й тройцю восковую у руках держала.

Очень интересно это умѣніе автора нѣсколькими штрихами свадебнаго ритуала индивидуализировать шаблонную картинку. Яркая деталь, выходящая теперь уже изъ употребленія, рисуетъ читателю живой образъ и напоминаетъ теперь, полвѣка спустя, о стершихся и забытыхъ подробностяхъ ритуала,

Болѣе обстоятельные экскурсы даетъ Квитко-Основьяненко [1]). Взять напримѣръ, повѣсть его — «Маруся». Здѣсь передъ нами цѣлая исторія взаимной любви Василья и Маруси. Описывая детально перепетіи чувства, его возникновеніе и постепенный ростъ, Квитка отводитъ довольно

1) Напомнимъ, что у Квитки есть и литературная обработка народнаго повѣрія — именно о разговѣньи мертвецовъ — «Мертвецкій великдень».

мѣста и этнографическимъ обрисовкамъ среды. Подробно выписываетъ авторъ сцену сватовства, обмѣнъ привѣтствій между сватами и старымъ Наумомъ, отцомъ Маруси, и дальше приводитъ всю рѣчь старшого старосты:

«Ми є люде німецькіі, а ійдемо́ з землі Турецькоі. Ми собі ловці, удалиі молодці. Раз, дома у нашій землі, випала пороша»... и т. д. «законні речі про куницю».

Такъ же полностью приводитъ и отвѣтъ Наума старостамъ:

«Бачите, ловці-молодці, що ви наробили? Мене з жінкою смутили, дочку пристидили, що скоро піч зовсім повалить, мабуть, дума тут більш не жити...» и т. д.

Описываетъ авторъ далѣе забавы молодежи вечеромъ дня сватовства въ гостяхъ у Маруси, танцы и пѣсни, и приводитъ нѣкоторыя пѣсни для примѣра цѣликомъ. Этимъ достигается большая жизненность описанія, оставляющаго такимъ образомъ цѣльное впечатлѣніе.

На этомъ можно и закончить. Достаточно и этихъ примѣровъ.

Мы видѣли, какъ разнообразны были эти этнографическія темы. Народныя повѣрія и преданія, обряды и забавы, сватовство и свадьба — то кратко, въ общихъ чертахъ, то детально, съ рѣчами и пѣснями.

Выше указаны были причины — изъ хода развитія этнографіи. Какъ углублялся неясный вначалѣ интересъ къ народному быту; какъ расширялся онъ, захватывая новыя и новыя стороны народнаго быта; какъ вырабатывалась и укрѣплялась высокая оцѣнка художественнаго достоинства народнаго творчества.

Эти справки выяснили намъ психологію авторовъ—этнографовъ. Съ какими настроеніями они разрабатывали въ литературныхъ произведеніяхъ темы изъ этнографическихъ воспоминаній и запасовъ.

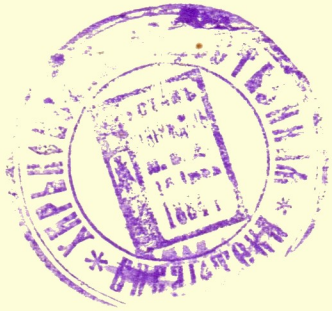
Но можетъ быть и иной вопросъ. Почему въ это время[1]) въ литера-

---

1) Напомню здѣсь хронологію указанныхъ выше произведеній: Н. Маркевичъ. Украинскія мелодіи, 1830.—Квитка-Основьяненко. Маруся, изд. 1834.—Тополя Чары. 1837 (ценз. пом. 1834).—Костомаровъ. Баллады. 1839. Вѣтка. 1840.—Кореницкій. Вечерницы (изд. въ сб. Корсуна «Снѣгъ») 1841 г.—Макаровскій. Наталя, напис. 1844 (изд. 1848). Изъ нихъ къ старшему поколѣнію принадлежали Квитка и Макаровскій (1778, 1783), къ младшему — Костомаровъ (1817), Кореницкій, Тополя; ближе къ старшему поколѣнію стоялъ — Александровъ, а Маркевичъ занималъ середину межъ старшимъ и младшимъ поколѣніемъ (р. 1804).

турѣ украинской такъ численны этнографическія темы. Не было этого раньше и не случалось позже въ такой степени. Отвѣтъ нужно искать въ тогдашнемъ положеніи украинской литературы. Это было время исканій. Старыя темы внесенныя въ литературу украинскую людьми старшаго поколѣнія — были уже приняты. Руководящіе принципы — реализмъ и демократизмъ — сохраняли и на далѣе свое обаяніе и вліяніе, но нужно было новое содержаніе. Что именно, было неясно, на разрѣшеніе исканій было уже близко: соціальныя темы Шевченка. А пока это не проявилось и не привилось, старшіе — какъ Квитка — и младшіе — какъ Костомаровъ — одинаково сходятся вмѣстѣ по разработкѣ этнографическихъ темъ, этихъ сюжетовъ переходной поры исканій.

Александръ Грушевскій.

1864 г

Перевірено 1948